

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.23

EDN BDHUK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА КАК МАРКЕРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Средневековые крестовидные подвески так называемого «скандинавского» типа исторически связывались с северной дружинной культурой, однако по мере накопления материальных находок из различных регионов большинство исследователей склонилось к тому, что этот феномен имеет древнерусское или более южное происхождение. Вместе с тем связь артефактов этого типа с восточнохристианскими древностями вызывает сомнения, так как известные артефакты византийских типов достаточно далеки от «скандинавских». Выдвигается предположение, что прототипом последних послужили кресты западносарматского типа, изначально связанные не с христианским культом, а с соляным или растительным сакральным миром древних кочевников. Последующее появление подвесок «скандинавского» типа сначала среди древностей Меровингов дополняет представления о германо-сарматском культурном симбиозе, известном археологам. Дальнейшее географическое распространение подвесок в Крым и бассейн Дона отражает этнические миграции, продвижение в восточнославянские земли и Скандинавию – очевидно, конфессионально-культурные процессы, так как символика сарматского креста постепенно приобретала христианский характер.

Ключевые слова: крестовидные подвески, христианизация, миграции, германцы, сарматы, салтовская культура, дунайский регион.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Крестовидные подвески «скандинавского» типа как маркеры этнокультурных процессов: новый взгляд на старую проблему // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

Research article

CROSS-SHAPED PENDANTS OF THE “SCANDINAVIAN” TYPE AS MARKERS OF ETHNO-CULTURAL PROCESSES: A NEW LOOK AT AN OLD PROBLEM

Alexey E. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Moscow, Russia, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Abstract. Medieval cruciform pendants of this “Scandinavian” type are associated with the Norse hird culture; however, as material finds from various regions accumulated, most researchers were inclined to believe that this phenomenon originated in Old Rus’, if not in even more southern realms. At the same time, the connection of problems of this type with Eastern Christian ancient doubts, since ancient artifacts of Byzantine types are quite far from the “Scandinavian” ones. It is suggested that the Western Sarmatian type crosses served as the prototype of the remaining crosses, which arose with the solar or plant sacred world of the ancient nomads rather than with the Christian cult. The subsequent appearance of pendants of the “Scandinavian” type, first among the Merovingian antiquities, complements the ideas of the Germanic-Sarmatian cultural symbiosis known to archaeologists. Increased distribution of pendants in the Crimea and the basin reflects ethnic migrations, advancement into East Slavic lands and Scandinavia – obviously confessional and cultural processes, as the symbolism of the Sarmatian cross gradually acquired a Christian character.

Keywords: Cross-shaped pendants, Christianisation, migrations, Germanic peoples, Sarmatians, Saltovo culture, Danube region.

For citation: Vinogradov A.E. Cross-shaped pendants of the “Scandinavian” type as markers of ethno-cultural processes: a new look at an old problem. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

Введение. Вопрос о происхождении и путях распространения средневековых крестовидных подвесок так называемого «скандинавского» типа является одним из довольно значительных в историографии материальной культуры Восточной и Северной Европы. Указанная категория предметов была выявлена на территории С.-Петербургской губернии (а также Финляндии, Прибалтики) А.А. Спицыным и отнесена им к группе артефактов скандинавского происхождения [Спицын: 117, 143]. Впоследствии исследование М.В. Фехнер и других исследователей позволили уточнить географию (от Юго-Западной Руси до Новгородчины и области владимирских курганов), а также временной интервал распространения указанной категории подвесок: X–XII вв. Вместе с этими уточнениями под сомнение был поставлен основной тезис о происхождении самих артефактов из Скандинавии: утверждалось, что подвески производились где-то на территории самой Руси [Фехнер].

В настоящее время проблема исследования включает как чисто археологическую часть (так как предполагаемые «русские» мастерские и формы для изготовления данной категории предметов пока не найдены), так и этнокультурный аспект, поскольку генезис подвесок «скандинавского» типа остается под вопросом. Подготовившая наиболее подробное из последних исследований А.Ю. Кононович (Чуракова) выделяет среди данной категории артефактов три группы, из которых более древними (конец X – XI вв.) считает равноплечные кресты с тремя дисками (кружками) или полосками на концах и круговой композицией в центре [Чуракова: 160–164]. Интерес вызывают не только сами подвески, но и другие артефакты в том же стиле: так, аналоги подобного крестовидного «дизайна» обнаруживаются в готландских перстнях [Кононович].

Происхождение такого оформления связывается в соответствии с разными теориями либо с древностями Мервингов, либо с христианской Византией. Возникает парадокс: кресты рассматриваемого вида связываются со скандинавской дружинной культурой конца IX в. – начала X в., но при этом указывается, что первые кресты рассматриваемого вида появляются среди древностей VIII–IX вв. регионов с весьма проблематичной степенью влияния этой культуры: Скалистое в Крыму и Верхний Салтов на Северском Донце [Чуракова: 166]. В свете этого уточнения распространение этих артефактов на территории Руси, а тем более Скандинавии, выглядит уже стадией южной культурной экспансии, и само название «скандинавский» тип выглядит уже научным анахронизмом.

Объекты и методы исследования. Однако участие в этой схеме Византии, на наш взгляд, имеет серьезный пробел в части доказательной базы. Если для крестов Мервингов очевидны прямые аналогии,

то среди византийских предметов культа, в том числе крестов-подвесок, при всем богатстве сирийских, анатолийских, египетских вариантов прямых параллелей именно для рассматриваемых типов I и II (как и III) не обнаруживается. Есть кресты с кружным средокрестием, с расходящимися концами с дисками, но соответствующего полного набора не заметно (см. илл.) [Хайретдинова: 257–262]. По мнению Н.А. Макарова и И.Е. Зайцевой, в общем массиве древнерусской христианской металлопластики XI–XIII вв. кресты «скандинавского типа» являются едва ли не единственной группой, не имеющей близких соответствий в продукции византийских и балканских регионов. Все гипотезы их восточно-христианского происхождения основаны на рассказах о поездках русских дружинников в Византию и их крещении, но не подкреплены конкретными прототипами культовых артефактов [Макаров, Зайцева: 360–361].

Более того, по нашим наблюдениям, не обнаруживается ее и в зоне византийского влияния VIII–X вв., во всяком случае за пределами Крыма. Не говоря уже конкретно о подвесках, мы не видим подобных знаков ни среди богатейшей коллекции символов скального комплекса Мурфатлар близ Констанцы, ни на стенах болгарской Плиски, ни среди аланских находок Центрального Предкавказья. Относительно близкий из-за трех круговых пуансонных отметок на концах креста-фибулы, хотя и своеобразный из-за самой формы, экземпляр выделяется, пожалуй, только в находках из постромской Сисции на Саве [Vida: 95], но эту крепость можно отнести равно как к византийской, так и гуннской, готской и прочим соперничавшим в тех местах политиям.

Мало того, гипотеза о византийском происхождении и последующем развитии в Скандинавии артефактов рассматриваемого типа противоречит тому факту, что среди достоверных предметов византийского импорта в самой Скандинавии и местных подражаний им также ничего, во всяком случае сильно похожего на собственно подвески «скандинавского» типа, не обнаружено(?) (см.: [Андрощук: 201]).

В этой связи любопытным представляется точка зрения В.С. Аксенова, что «скандинавские» подвески отражали не только христианскую символику, но и языческую традицию амулета-оберега [Аксенов: 17]. Факт, что сам по себе крест в указанном временном аспекте вообще мог быть не связан с христианской символикой, уже отмечался, в частности, в отношении древностей Подунавья [Галл, Мэрджинян, Петер]. Крест в сочетании с языческими мотивами встречался в качестве орнамента изделий того же дунайского бассейна и сопредельных регионов еще с конца бронзового века [Поп: 239].

По нашему мнению, распространение исследования именно в сторону дунайского бассейна позво-

ляет выявить возможные истоки символики рассматриваемого типа подвесок. Достаточно четко (кресты с концами, раскрывающимися в виде трех дисков) они обнаруживаются, в частности, еще в связываемых с западными сарматами древностях II–III вв. н. э. в серии нашивок женской одежды из некрополя в Ботошани на северо-востоке современной Румынии [Archaeological Treasures of Romania: 642]. Та же традиция сохранилась в указанном регионе (бывшая Дакия и ее окрестности) и позже. Тот же мотив, по нашему мнению, отчетливо заметен и в декоре блюда № 9 из знаменитого клада из Надь-Сент-Миклош [Hampel: 28, fig. 16] (датируемого по-разному, в нашем представлении – VII – началом VIII в.), и в оформлении перстней IX в. из Обыршия-Ноуэ (Олт, Румыния) [Corbu: 8, № 7, 9] и украшений VIII–IX вв. из Ghirbom (Трансильвания, Румыния) [Tomegea: 219, fig. 8–9].

В случае с Надь-Сент-Миклошским блюдом аналогии с христианским культом сомнительны по ряду причин. Во-первых, одно находилось в составе клада вещей с отчетливой языческой, прежде всего иранско-зороастрийской, символикой. Надпись греческим уставом на самом блюде имеет разные прочтения, мы перевели как обращение к некоему божеству с просьбой даровать «здоровье, остановить порчу») [Виноградов 2018: 201], что позволяет отнести его если не к чисто языческому, то во всяком случае к культовым предметам «двоеверия», отмечаемого как феномен для VII–X вв. для бассейна левого берега Дуная [Kiss; Ţiplic, Ţiplic].

Кочевнический след, вероятно, прослеживается и в группе близких исследуемому феномену знаков на предметах так называемой выемчатой эмали позднеримского времени. Не говоря уже о том, что феномен выемчатой эмали сам по себе стал, по всей видимости, плодом взаимодействия северных варваров и поздних сарматов [Колесникова, Зиньковская: 35–36], наиболее интересующий нас образец креста с трехпальцевыми концами (из п. Валовый, Нижний Дон) относится к сарматскому погребению рубежа II–III вв. н. э. [Колесникова, Зиньковская: 33, 36].

Собственно, четырехсторонний крест, как известно, входил в сакральный круг кочевников задолго до появления христианства. При этом небезынтересно, на наш взгляд, то обстоятельство, что к кресту и другому набору символов ираноязычных народов, например, древней Маргианы добавлялся такой знак, как изображение трехлепесткового цветка (тюльпана) [Крюкова]. Близкий по рисунку, но трактуемый несколько иначе иранский символ («знак огня на алтаре») налагается уже на концы креста в некоторых изображениях восточного Прикаспия [Богданов, Астафьев: 140]. Возможно, тот же знак или знаки уже в модернизированном виде трезубца был широко

представлен в сарматских древностях Северного Причерноморья.

В силу того, что сарматы, согласно античным авторам и археологическим данным, пришли в Европу из Центральной/Средней Азии, то смена флористического ландшафта (тюльпаны в степях Причерноморья распространены менее обильно) могла вызвать последующее переосмысление изначальной символики трехлепесткового цветка или «лепестков огня» (и появление уже на всех концах креста трехлепестковых, как крест из Скалистого [Веймарн, Айбабин: 44, рис. 23, 26], затем трехлинейных и трехдисковых изображений с солярной семантикой). Не случайно В.С. Аксёновым среди рассматриваемых им изображений на салтовских подвесках отмечается стилизованный трехлепестковый цветок на стебле [Аксёнов: 17].

Что же касается появления аналогов рассматриваемой категории подвесок среди древностей Меровингов, то здесь представляется возможным непосредственное заимствование азиатского символа германским миром. Степной импульс сильно воздействовал на германцев еще на заре эпохи Великого переселения народов. Тогда в германском мире появилась традиция «инкрустировать наконечники копий знаками, похожими на тамги сарматской знати» [Левада: 195], та же символика украшает и германские стрелы в III–IV вв. [Энговатов: 231]. Возможно, это происходило на фоне связей, в том числе брачных союзов германцев с аристократическими сарматскими кланами, а возможно, носило характер присвоения и освоения культурных трофеев [Воронятов, Мачинский: 62, 69, 71]. Ввиду того, что сведения о сарматах, во всяком случае в среднем Подунавье, на границах тогдашнего германского мира, имеются и для периода ранних Меровингов, нельзя исключать, что эти межэтнические аристократические браки привели и к заимствованию западными варварскими королевствами и других восточных символов, переосмысленных в духе христианства.

Собственно, сама модификация символа, появление креста с трехдисковыми концами, могла происходить не только в рамках чистого заимствования знаковых «сарматизмов», но и распространенным переосмыслением их в духе традиционных представлений местных народов. Так, в Причерноморье, например, появился «гибридный» знак боспорской и сарматской традиций [Драчук, 98]. Местная «гибридность», на наш взгляд, могла бы объяснить различия в культурных символах сарматов и близкородственных им племен, например алан Предкавказья. В свою очередь, крест из Сисции может рассматриваться как опыт перенесения этой традиции на запад на пути к Меровингам, уже в германскую культурную среду.

Не слишком удивительной предстает в этом свете и возможность появления символики сарматской традиции к востоку от Нижнего Дуная. Могильник Скалистое, где отмечена подвеска рассматриваемого типа, большинством исследователей связывается с готами, и хотя сам склеп, где найден артефакт, не датирован точно в кругу других древностей IV–IX вв., однако нельзя не отметить, что само появление готов в Крыму связано с их частичным возвращением в V–VI вв. с полем гуннских войн в бывшем римском Подунавье, то есть как раз западной Сарматии [Амброз].

Аналогичная картина выходит и в отношении салтовских древностей Подонцовья. Большинство исследователей сходится в отношении сравнительно «свежего» миграционного характера СМК: например, предшествующие ей (до VIII вв.) аланские памятники на Донце не найдены [Тортика: 10–11]. Точные векторы миграций и состав этих переселенцев не ясны: первоначальные предположения об исключительно аланском или болгарском характере дополняются гипотетическим угорским, абхазо-адыгским (в отношении населения, оставившего кремационные могильники) и др. компонентами.

По традиции считается, что значительные культурные параллели между этими памятниками и древностями Нижнего Дуная (взгляд С.А. Плетневой и М.А. Артамонова на нижнедунайские средневековые культуры как локальные варианты СМК и позже признавался «диалектически верным» [Козлов: 6]) вызваны миграциями на запад части донских салтовцев, прежде всего болгар. В частности, отмечается «много общего» между керамикой (кухонными горшками) VIII–IX веков двух регионов, и в основном не столько на фактической аргументации, сколько на апелляции к авторитету С.А. Плетневой делается вывод, что налицо миграция населения и гончарных традиций на Дунай [Суханов].

Однако такой традиционный взгляд основывался на устаревших датировках, прежде всего нижнедунайской культуры (Дриду). За последние десятилетия исследований ее нижние границы опустились до VIII [Gabriel], если не до рубежа VII–VIII вв. [Опряну: 109–110], хотя начальные датировки салтовских памятников остались прежними: вторая половина, если не конец VIII вв. [Плетнева: 52–53]. Это дает основания полагать, что миграции культур, если не этносов, происходили в указанное время не только с востока на запад, но и наоборот. Что немаловажно, древности Пастырского и других кладов и захоронений Среднего Поднепровья VII – середины VIII в. отражают дунайскую традицию и, видимо, были оставлены ремесленниками-переселенцами из балкано-дунайского региона [Родинкова: 253–256]. В свою очередь, дальнейший путь этих переселенцев,

вероятно, шел на северо-восток, то есть в донской салтовский регион [Комар: 142]. Особенности погребального обряда некоторых групп населения Подонья того времени также наводит на мысль о миграции или возвращении туда из придунайских земель, возможно, поздних сарматов [Флерова: 80].

Заключение. На наш взгляд, все это позволяет предполагать формирование «классической» версии рассматриваемой категории подвесок в сарматской языческой среде бассейна Нижнего Дуная, а затем распространение в иноэтничной местной среде и культурную миграцию на запад (Франкская империя) и этнокультурную – на восток, в Подонье и Подонцовье. Что касается дальнейшего маршрута этих культурных символов на север и северо-запад, то, на наш взгляд, следует отметить ряд обстоятельств.

Само по себе появление салтовских предметов в восточнославянских и соседних с ними землях – не новость. В частности, исследователи выделяют «представительную группу вещей салтовского происхождения или подражаний им» в могильниках смоленской группы культуры длинных курганов, а также среди волынцевско-роменских находок, в основном середины VIII – 1-й половины IX в. [Енуков]. Салтовские артефакты, по-видимому, по тем же торговым маршрутам, что и восточные дирхамы, проникали и на Балтику. В этой связи распространение подвесок и других крестовидных артефактов, выдержанных в указанной традиции вплоть до Скандинавии и других областей Балтии, неудивительно. Однако в какой степени этот северный маршрут был связан также с этническими миграциями и когда и в какой степени происходило переосмысление некогда языческого степного символа в христианском ключе, как это было связано с окончательной гибелью салтовских поселений в первой половине X в., остается под вопросом.

Список литературы

Аксёнов В.С. Символы христианской веры в захоронениях Салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарознавства / упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: О.О. Савчук; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. Вип. 3. С. 15–20.

Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма VI–VII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 113. С. 10–23.

Андросчук Ф. Русь и византийские контакты Скандинавии в XI–XIV вв. // Stratum plus. 2014. № 5. С. 199–212.

- Богданов Е.С., Астафьев А.Е. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 131–147.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.
- Виноградов А.Е. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. Москва: Ломоносовъ, 2018. 256 с.
- Виноградов А.Е. Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 7–14.
- Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия-Сарматия II: сб. по археологии народов Центральной и Восточной Европы памяти М.Б. Щукина. Курск; Калининград, 2010. С. 57–77.
- Галл Э., Мэрджинян Ф., Петер С. К «мобильности» символов. Знак креста на горшке из погр. 20а в Печика-Дувенбек // Stratum plus. 2020. № 5. С. 401–410.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья: тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 174 с.
- Енуков В.В. Древности днепро-донской лесостепи и проблема формирования культуры смоленских длинных курганов // Ученые записки: электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та. 2020. № 4 (56). С. 1–13.
- Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI вв. н. э. (Балкано-дунайская культура): автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград: Ин-т археологии, 1991. 29 с.
- Колесникова А.Ю., Зиньковская И.В. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы // Via in tempo. История. Политология. 2020. № 1 (47). С. 30–40.
- Комар А.В. Поляне и Северяне // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010. Москва: Ун-т Д. Пожарского, РФСОН, 2012. С. 128–191.
- Кононович А.Ю. Крестовидная подвеска «с тремя дисками на концах» из Гочевского археологического комплекса // IV МНК «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, 2019. С. 261–263.
- Крюкова В.Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Москва: Старый сад, 2012. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. С. 222–237.
- Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 194–251.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки // Археологические вести; Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2020. Вып. 28. С. 347–365.
- Опряну К.Х. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VIII вв.) // История Румынии. Москва: Весь мир, 2005. С. 37–120.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж: Из-во Воронежского ГУ, 2003. 248 с.
- Родинкова В.Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: Материалы Школы молодых археологов. Москва: ИА РАН, 2011. С. 239–265.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург: Тип. Управления уделов, 1905. Вып. 15. С. 84–172.
- Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм горшков в VIII–IX веках в Причерноморье // Боспорские исследования. Керчь; Симферополь: ЦАИ БФ «Деметра», 2021. Вып. 43. С. 154–173.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харків: ХГАК, 2006. 554 с.
- Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. Москва: Наука, 1968. С. 210–214.
- Флёрова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. 2001. № 2. С. 71–82.
- Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи // Боспорские исследования. 2018. Т. 37. С. 246–262.
- Чуракова А.Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017. С. 159–177.
- Энговатов Н.Н. Находки рунических камней на территории СССР // Скандинавский сборник VI. Таллин, 1963. С. 229–255.
- Archaeological Treasures of Romania Dacian and Roman Roots, (Exhibition). Madrid, 2022, 758 p.
- Carlsson D. Viking Jewellery from the island of Gotland. Sweden, 2004, Fyndr, No. 11, 17 p.
- Corbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, editura Istros, 2006, Podoabele, No. 7, 9, p. 8.
- Gabriel V. Situl arheologic Brăila Cartier Brăilița, campania 2018. Analiza antropologică a resturilor scheletice de incinerare Revista de Arheologie.

Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI), 2020, Numărul 2, pp. 217-253.

Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós sogenannter «Schatz des Attila». Budapest, F. Kilian, 1885, 190 s.

Ilon G. Customized Sacrificial Semiotics? The Motifs of a Sword Unearthed in Hajdúböszörmény and Its Analogies in Western Hungary: Csöngé. Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on religion and magic. Cluj-Napoca, Mega, 2015, pp. 215-245.

Kiss A.P. Between Wotan and Christ? Deconstruction of the Gepidic system based on the written and archaeological sources. Gepids after the fall of the Gun Empire Collapse. Budapest, 2019, pp. 369-408.

Sorbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, Istros, 2006, 200 p.

Țiplic I.M. and Țiplic M.E. Between cremation and inhumation. The re-birth of Christianity in Transylvania (7th – 10th Century A.D.). European Journal of Science and Theology, 2014, June, vol. 10, No. 3, pp. 171-177.

Tomegea G. Accesorii vestimentare și podoabe în necropolele birituale din Transilvania (Sec. VII–IX) Analele Banatului. S. N., Arheologie – Istorie, XIX, 2011, pp. 209-220.

Vida T. Christianity in the Carpathian basin during Late Antiquity and the early Middle Ages (5th to 8th century ad). Saint Martin and Pannonia. Christianity on the Frontiers of the Roman world. Pannonhalma – Szombathely, Pannonhalmi Főapátság, 2016, pp. 93-106.

References

Aksjonov V.S. *Simvolij hristianskoj very v zahoronenijah Saltovo-majackoj kul'tury s territorii Har'kovshhiny* [Symbols of the Christian faith in the burials of the Saltovo-Mayatskaya culture from the territory of the Kharkov region]. *Saltovo-majac'ka arheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennja: zbirnik naukovih prac', prisvjachenij aktual'nim problemam saltovo- ta hozaroznavstva* [Saltovo-Mayatska archaeological culture: problems and research: a collection of scientific works dedicated to the current problems of Saltovo-Mayatskaya cultural studi], ed. G.É. Svistun. Harkiv, OKZ «Harkivs'kij naukovno-metodichnij centr ohoroni kul'turnoi spadshhini» Publ., 2013, iss. 3, pp. 15-20. (In Russ.)

Ambroz A.K. *Dunajskie jelementy v rannesrednevekovoj kul'ture Kryma VI–VII vv.* [Danube elements in the early medieval culture of Crimea in the 6th–7th centuries]. *Kratkie soobshhenija Instituta Arheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 1968, iss. 113, pp. 10-23. (In Russ.)

Androshhuk F. *Rus' i vizantijskie kontakty Skandinavii v XI–XIV vv.* [Rus' and Byzantine contacts of Scandinavia in the 11th–14th centuries]. *Stratum plus*, 2014, No. 5, pp. 199-212. (In Russ.)

Bogdanov E.S., Astaf'ev A.E. *Plita s vybivkami iz zavalov «Vala Bajlama» (Zapadnyj Kazahstan)* [A slab with knockouts from the rubble of “Vala Baylama” (Western Kazakhstan)]. *Arheologija Kazahstana* [Archeology of Kazakhstan], 2023, No. 2 (20), pp. 131-147. (In Russ.)

Churakova A.Ju. *Podveski – kresty «skandinavskogo tipa» v kontekste pogrebal'noj kul'tury Drevnej Rusi XI–XII vv.* [Pendants - crosses of the “Scandinavian type” in the context of the funeral culture of Ancient Rus' of the 11th–12th centuries]. *Élite ou Égalité... Severnaja Rus' i kul'turnye transformacii v Evrope VII–XII vv.* [Élite ou Égalité... Northern Rus' and cultural transformations in Europe in the 7th-12th centuries]. St. Petersburg, Izdatel'skij dom “Branko” Publ., 2017, pp. 159-177. (In Russ.)

Drachuk V.S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ja: tamgoobraznye znaki severopontijskoj periferii antichnogo mira pervyh vekov nashej jery* [Sign systems of the Northern Black Sea region: tamga-like signs of the North Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 174 p. (In Russ.)

Enukov V.V. *Drevnosti dnepro-donskoj lesostepi i problema formirovanija kul'tury smolenskih dlinnyh kurganov* [Antiquities of the Dnieper-Don forest-steppe and the problem of the formation of the culture of the Smolensk long mounds]. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2020, No. 4 (56), pp. 1–13. (In Russ.)

Fehner M.V. *Krestovidnye priveski «skandinavskogo» tipa* [Cross-shaped pendants of the “Scandinavian” type]. *Slavjane i Rus'* [Slavs and Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 210-214. (In Russ.)

Fljorova V.E. *Hazarskie kurgany s rovnikami: Central'naja Azija ili Vostochnaja Evropa?* [Khazar burial mounds with ditches: Central Asia or Eastern Europe?]. *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology], 2001, No. 2, pp. 71-82. (In Russ.)

Gall Je., Mjerdzhinjan F., Peter S. *K «mobil'nosti» simvolov. Znak kresta na gorshke iz pogr. 20a v Pechika-Duvenbek* [Towards the “mobility” of symbols. The sign of the cross on a pot from the burial. 20a in Pechika-Duvenbek]. *Stratum plus*, 2020, No. 5, pp. 401-410. (In Russ.)

Hajredinova Je.A. *Vizantijskie zolotyje kresty rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi* [Byzantine golden crosses of the early medieval period from Kerch]. *Bosporiskie issledovanija* [Bosporus Research], 2018, vol. 37, pp. 246-262. (In Russ.)

Jengovatov N.N. *Nahodki runicheskikh kamnej na territorii SSSR* [Finds of runic stones on the territory of the USSR]. *Skandinavskij sbornik VI* [Scandinavian collection VI]. Tallin, 1963, pp. 229-255. Kozlov V.I. *Naselenie*

stepnogo mezhdurech'ja Dunaja i Dnestra konca VIII – nachala XI vv. n. je. (Balkano-dunajskaja kul'tura): avtoref. dis. kand. ist. nauk [Population of the steppe interfluvium of the Danube and Dniester at the end of the 8th – beginning of the 11th centuries. n. e. (Balkan-Danubian culture): abstract thesis]. Leningrad, In-t arheologii Publ., 1991, 29 p. (In Russ.)

Kolesnikova A.Ju., Zin'kovskaja I.V. *Bronzovye izdelija kruga vyemchatyh jemalej s pamjatnikov juga Vostochnoj Evropy* [Bronze products of a circle of champlévé enamels from monuments in the south of Eastern Europe]. *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. Story. Political science], 2020, No. 1 (47), pp. 30-40. (In Russ.)

Komar A.V. *Poljane i Severjane* [Polians and Severians]. *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy: 2010* [The most ancient states of Eastern Europe: 2010]. Moscow, Un-t D. Pozharskogo Publ., RFPES, 2012, pp. 128-191. (In Russ.)

Kononovich A.Ju. *Krestovidnaja podveska «s tremja diskami na koncah» iz Gochevskogo arheologičeskogo kompleksa* [Cross-shaped pendant “with three disks at the ends” from the Gochev archaeological complex]. *IV MNK «Jepoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamjatnikah numizmatiki VIII-XI vv.»* [IV MNK “The Viking Age in Eastern Europe in numismatic monuments of the 8th–11th centuries”]. St. Petersburg, 2019, pp. 261-263. (In Russ.)

Krjukova V.Ju. *O gonurskih tjul'panah* [About Gonur tulips]. *Trudy Margianskoj arheologičeskoj jekspedicii. T. 4. Issledovanija Gonur Depe v 2008-2011 gg.* [Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition. T. 4. Research by Gonur Depe in 2008-2011]. Moscow, Saryj sad Publ., 2012, pp. 222-237. (In Russ.)

Levada M.E. *«Drugie germancy» v Severnom Pričernomor'e pozdnego rimskogo vremeni* [“Other Germans” in the Northern Black Sea region of the late Roman period]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Studies]. Simferopol', Kerch', 2006, iss. 11, pp. 194-251. (In Russ.)

Makarov N.A., Zajceva I.E. *Kresty «skandinavskogo tipa» na pamjatnikah Suzdal'skogo Opol'ja: novye nahodki* [Crosses of the “Scandinavian type” on the monuments of Suzdal Opolje: new finds]. *Arheologičeskie vesti; In-t istorii material'noj kul'tury RAN* [Archaeological news; Institute of History of Material Culture RAS]. St. Petersburg, 2020, iss. 28, pp. 347–365. (In Russ.)

Oprišanu K.H. *Severodunajskie zemli provincii Dakija v period zarozhdenija rumynskogo jazyka (II–VIII vv.)* [North Danube lands of the province of Dacia during the period of the birth of the Romanian language (II–VIII centuries)]. *Istorija Rumynii* [History of Romania]. Moscow, Ves' mir Publ., 2005, pp. 37-120. (In Russ.)

Pletneva S.A. *Kochevniki juzhnorusskikh stepej v jepohu srednevekov'ja (IV–XIII vv.)* [Nomads of the South Russian steppes in the Middle Ages (IV-XIII centu-

ries)]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo GU Publ., 2003, 248 p. (In Russ.)

Rodinkova V.E. *Zhenskij kostjum dneprovskih plemen v jepohu velikogo pereselenija narodov: sovremennoe sostojanie issledovanij* [Women's costume of the Dnieper tribes during the era of the great migration of peoples: current state of research]. *Novye issledovanija po arheologii stran SNG i Baltii. Materialy Shkoly molodyh arheologov* [New research on the archeology of the CIS and Baltic countries: materials of the School of Young Archaeologists]. Moscow, IA RAN Publ., 2011, pp. 239-265. (In Russ.)

Spicyn A.A. *Vladimirskie kurgany* [Vladimir burial mounds]. *Izvestija Imperatorskoj arheologičeskoj komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, Tip. Upravlenija udelov Publ., 1905, iss. 15, pp. 84-172. (In Russ.)

Suhanov E.V. *Kul'turnye tradicii sozdanija form gorshkov v VIII-IX vekah v Pričernomor'e* [Cultural traditions of creating pot shapes in the 8th–9th centuries in the Black Sea region]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Research]. Kerch', Simferopol', CAI BF “Demetra” Publ., 2021, iss. 43, pp. 154-173. (In Russ.)

Tortika A.A. *Severo-Zapadnaja Hazarija v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraja polovina VII – tret'ja četvert' X vv.)* [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]. Harkiv, HGAK Publ., 2006, 554 p. (In Russ.)

Vejmarn E.V., Ajbabin A.I. *Skalistinskij mogil'nik* [Skalistinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 204 p. (In Russ.)

Vinogradov A.E. *V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v ruskom jetnogeneze* [In search of initial Rus'. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov Publ., 2018, 256 p. (In Russ.)

Vinogradov A.E. *Ob jetnonime Rutheni v srednevekovoj Transil'vanii* [About the ethnonym Rutheni in medieval Transylvania]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 2, pp. 7-14. (In Russ.)

Voronjatov S.V., Machinskij D.A. *O vremeni, obstojatel'stvah i smysle pojavlenija sarmatskikh tamg na germanskikh kop'jah* [About the time, circumstances and meaning of the appearance of Sarmatian tamgas on German spears]. *Germanija-Sarmatija II: sbornik po arheologii narodov Central'noj i Vostochnoj Evropy pamjati M.B. Shhukina* [Germany-Sarmatia II. Collection on the archeology of the peoples of Central and Eastern Europe in memory of M.B. Shhukin]. Kursk, Kaliningrad, 2010, pp. 57-77. (In Russ.)

Archaeological Treasures of Romania Dacian and Roman Roots, (Exhibition). Madrid, 2022, 758 p.

Carlsson D. *Viking Jewellery from the island of Gotland*. Sweden, 2004, Fyindr, No. 11, 17 p.

Corbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, editura Istros, 2006, Podoabele, No. 7, 9, p. 8.

Gabriel V. Situl arheologic Brăila Cartier Brăilița, campania 2018. Analiza antropologică a resturilor scheletice de incinerare. Revista de Arheologie. Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI), 2020, Numărul 2, pp. 217-253.

Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós sogenannter “Schatz des Attila”. Budapest, F. Kilian Publ., 1885, 190 s.

Ilon G. Customized Sacrificial Semiotics? The Motifs of a Sword Unearthed in Hajdúböszörmény and Its Analogies in Western Hungary: Csöngé. Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on religion and magic. Cluj-Napoca, Mega Publ., 2015, pp. 215-245.

Kiss A.P. Between Wotan and Christ? Deconstruction of the Gepidic system based on the written and archaeological sources. Gepids after the fall of the Gun Empire Collapse. Budapest, 2019, pp. 369-408.

Sorbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, Istros Publ., 2006, 200 p.

Țiplic I.M. and Țiplic M.E. Between cremation and inhumation. The re-birth of Christianity in Transylvania (7th – 10th Century A.D.). European Journal of Science and Theology, 2014, June, vol. 10, No. 3, pp. 171-177.

Tomegea G. Accesorii vestimentare și podoabe în necropolele birituale din Transilvania (Sec. VII–IX) Analele Banatului. S. N., Arheologie – Istorie, XIX, 2011, pp. 209-220.

Vida T. Christianity in the Carpathian basin during Late Antiquity and the early Middle Ages (5th to 8th century ad). Saint Martin and Pannonia. Christianity on the Frontiers of the Roman world. Pannonhalma – Szombathely, Pannonhalmi Főapátság, 2016, pp. 93-106.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.10.2023.